

РАЗДЕЛ 4. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА: ЯЗЫК И ПРАВО

Данная рубрика выполнена в рамках гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук (проект МК-1644.2014.6 «Методика комплексного (лингвистического, психолингвистического, психофизиологического) анализа экстремистского текста и его воздействия на адресата»).

УДК 81'42:34

ББК Ш105.51

ГСНТИ 16.31.61

Код БAK 10.02.01; 10.02.21

О. В. Барабаш
Пенза, Россия

O. V. Barabash
Penza, Russia

О НЕКОТОРЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРАКТИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМАХ ВЫЯВЛЕНИЯ КОРРУПЦИОГЕННЫХ ФАКТОРОВ В ТЕКСТЕ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

ON SOME THEORETICAL AND PRACTICAL PROBLEMS OF REVEALING CORRUPTION-GENERATING FACTORS IN THE TEXTS OF LEGAL ACTS

Аннотация. Рассматриваются проблемы выявления коррупциогенных факторов в языковой организации нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов. Анализируются отдельные положения норм действующего законодательства, демонстрирующие вариативность толкования и обладающие коррупционным потенциалом. Предлагается расширить перечень правовых документов, подлежащих антикоррупционной экспертизе. Обосновывается предположение о необходимости уточнить содержание понятия «юридико-лингвистическая неопределенность».

Abstract. The article dwells on the problem of revealing corruption-generating factors in the texts of legal acts. The author analyses certain provisions of the current legislation, demonstrating the variability of interpretation and possessing the corruption-generating potential. It is proposed to expand the list of legal acts subject to anti-corruption expertise. It is proved that it is necessary to clarify the content of the notion of "legal and linguistic ambiguity".

Ключевые слова: официальный документ; нормативный правовой акт; лингвистическая экспертиза; антикоррупционная экспертиза; коррупциогенный фактор; юридико-лингвистическая неопределенность.

Key words: official record; legal act, interpretation; corruption-generating factor; linguistic expertise; anti-corruption expertise; legal and linguistic ambiguity.

Сведения об авторе: Барабаш Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент.

About the author: Barabash Olga Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor.

Место работы: Пензенский государственный университет.

Place of employment: Penza State University.

Контактная информация: 440026, г. Пенза, ул. Красная, 40.
e-mail: olphil@mail.ru.

Антикоррупционная политика является одной из важнейших составляющих политической жизни современной России, потому что затрагивает интересы государства, бизнес-сообщества и отдельных граждан. Противодействие коррупции становится актуальной задачей как на федеральном, так и на региональном и муниципальном уровнях.

Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» провозглашает основные принципы антикоррупционной политики, в числе которых называется «приоритетное применение мер по предупреждению коррупции» [Федеральный закон № 273-ФЗ].

Комплекс мер по профилактике коррупции, согласно статье 6 указанного закона, включает два основных направления: во-первых, формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению, а во-

вторых — проведение антикоррупционной экспертизы правовых актов и их проектов.

Цель антикоррупционной экспертизы — выявление в тексте нормативного правового акта или проекта нормативного правового акта положений, создающих возможность злоупотребления законом, иными словами, коррупциогенных факторов.

Как теоретические, так и организационные проблемы, связанные с осуществлением антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов, становятся предметом научного исследования в работах юристов: В. Н. Агеева, Н. П. Алешковой, Г. Н. Горшенкова, А. Ю. Гулягина, Р. А. Журавлева, П. А. Кабанова, М. В. Мамитовой, А. А. Рождествой, К. Е. Рыбака и др.

В то же время, как справедливо отмечает Е. И. Галяшина, «все без исключения коррупциогенные факторы, которые подлежат выяв-

Статья подготовлена при поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта 14-34-01252 «Язык и стиль официальных документов: антикоррупционные требования».

© Барабаш О. В., 2014

лению при проведении антикоррупционной экспертизы, так или иначе содержатся и проявляются именно в текстовой материи нормативного правового акта, в его словесном наполнении и структурно-языковой организации» [Галяшина 2010: 36].

В настоящей статье мы намерены проанализировать ряд теоретических и практических проблем, связанных с проведением антикоррупционной экспертизы официальных документов и лежащих в языко-правовой плоскости. В рамках поставленной задачи мы попытаемся ответить на следующие вопросы:

1. Каков перечень документов, подлежащих антикоррупционной экспертизе?
2. Всегда ли категории оценочного характера порождают коррупциогенность?
3. Могут ли другие (нелексические) единицы языка способствовать созданию условий для проявления коррупции?

Одним из спорных является вопрос об *определении объекта антикоррупционной экспертизы*. Предметом правового регулирования, установленным пунктом 1 статьи 1 Федерального закона от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ, являются правовые и организационные основы антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов. Исходя из этого объектом антикоррупционной экспертизы являются именно нормативные правовые акты и их проекты, а иные (ненормативные) юридические документы обязательной проверке на наличие коррупциогенных факторов не подлежат. Таким образом, законодательство не учитывает того, что индивидуальные правовые акты также могут обладать потенциалом коррупциогенности. Однако на практике они нередко вызывают необходимость в проведении независимой антикоррупционной экспертизы. В частности, в подобном анализе может нуждаться документация по проведению закупок для государственных (муниципальных) нужд, в которой не всегда достаточно четко (либо излишне подробно) сформулированы условия закупки, требования к ее предмету и т. п., что может привести к неправомерному ограничению конкуренции.

Например, в «Документации об открытом аукционе в электронной форме на выполнение работ по капитальному ремонту фасада общежития № 3 войсковой части 3492, фасада казармы № 1 войсковой части 3179, фасада казармы № 1, № 2 войсковой части 3421» требования к материалам по капитальному ремонту расписаны столь подробно, что потенциальный исполнитель заказа практически лишается возможности выполнить указанные требования, если только последние не составлены с учетом возможностей конкретного исполнителя. Так, помимо стандартных требований к характеристикам используемых при ремонтных работах гвоздей (длина, диаметр головки, диаметр стержня и т. п.), заказчик указывает,

что «гвозди должны быть изготовлены из стали по ГОСТ 1050-88 марки: 20кп. Сталь должна быть по степени раскисления кипящая. Массовая доля элементов углерода, кремния, марганца, хрома в стали, от нуля целых трех сотых до нуля целых шестидесяти пяти сотых %. Предел текучести стали σ_t , Н/мм²(кгс/мм²): не должен быть менее двадцати. Временное сопротивление разрыву стали σ_b , Н/мм²(кгс/мм²): менее тридцати трех является недопустимым. Относительное удлинение стали δ , % должно быть не менее двадцати пяти. Относительное сужение стали ψ , более пятидесяти но не менее шестидесяти одного %» [Документация об открытом аукционе...] (фрагмент приводится с соблюдением авторской пунктуации). Не менее детально расписаны технические характеристики других строительных материалов.

На наш взгляд, подобная избыточность требований к предмету закупки должна быть признана нецелесообразной, ограничивающей конкуренцию и предоставляющей заказчику — войсковой части — возможность злоупотребления при определении победителя аукциона. Более того, наличие завышенных требований к лицу, предъявляемых для реализации принадлежащего ему права, а также установление неопределенных, трудновыполнимых и обременительных требований к гражданам и организациям являются, согласно Методике проведения антикоррупционной экспертизы [Методика проведения...] (далее — Методика), коррупциогенными факторами. Предварительная экспертиза проанализированной документации позволила бы в итоге сформулировать ее положения с учетом требований антимонопольного и антикоррупционного законодательства.

Таким образом, в качестве объектов антикоррупционной экспертизы могут выступать не только нормативные правовые акты (проекты нормативных правовых актов), но и другие официальные документы, в которых устанавливаются основания для полномочий должностных лиц либо регламентируется их деятельность. В связи с этим представляется целесообразным расширить и закрепить законодательно перечень объектов, подлежащих антикоррупционной экспертизе. К примеру, в рамках становления федеральной контрактной системы подобная экспертиза могла бы стать логичным элементом общественного контроля, предусмотренного статьей 102 Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ [Федеральный закон № 44-ФЗ].

Как известно, официально опубликованию нормативного правового акта предшествуют правовая и лингвистическая экспертизы его проекта. При проведении правовой экспертизы оценивается качество законопроекта, соответствие Конституции Российской Федерации и действующему законодательству, перспективы действия закона, принятого на его основе. Лингвистическая экспертиза является

специальным видом экспертного исследования, которое состоит, согласно части 7 статьи 121 Регламента Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, в оценке «соответствия представленного текста нормам современного русского литературного языка с учетом особенностей языка нормативных правовых актов и даче рекомендаций по устранению грамматических, синтаксических, стилистических, логических, редакционно-технических ошибок и ошибок в использовании терминов» [Регламент Государственной Думы...]. Лингвист анализирует логику построения текста, его композицию, выявляет стилистические и логические ошибки.

На официальных сайтах органов государственной власти субъектов Российской Федерации в рубрике «Антикоррупционная экспертиза» публикуется список проектов нормативных правовых актов, поступивших на антикоррупционную экспертизу. Данные проекты успешно проходят экспертизу, подвергаются, при необходимости, редактированию специалистами.

Однако даже после прохождения правовой, лингвистической и антикоррупционной экспертиз некоторые законопроекты принимаются с недочетами. В связи с этим актуальной представляется идея Е. И. Галяшиной об «антикоррупционной юридико-лингвистической экспертизе нормативных правовых актов и их проектов» [Галяшина 2010]. При этом эксперту, осуществляющему антикоррупционную экспертизу правового акта, необходимо владеть, на наш взгляд, комплексной, юрислингвистической компетенцией, позволяющей оценивать и анализировать функционирование языковых средств на различных уровнях правового текста.

Как правило, обнаружение пробелов и недочетов влечет за собой их устранение путем внесения поправок, изменений и дополнений. Например, Федеральный закон «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ претерпел 40 (!) редакций уже в процессе его применения, в том числе редакций, связанных с устранением коррупциогенных факторов.

К сожалению, некоторые недочеты долгое время остаются неисправленными. Например, принятый в апреле 2013 г. Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» № 44-ФЗ призван обеспечить более эффективное, по сравнению с осуществляемым в рамках действующего на тот момент законодательства, правовое регулирование соответствующей сферы деятельности, прозрачность и гласность закупок, предотвращение коррупции и других злоупотреблений. Однако указанный закон вызывает у специалистов массу разногласий в толковании отдельных его положений. Например, пункт 4 части 1 статьи 93 до внесения измене-

ний устанавливал один из случаев закупки у единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) в следующей редакции: «осуществление закупки товара, работы или услуги на сумму, не превышающую ста тысяч рублей. При этом совокупный годовой объем закупок, который заказчик вправе осуществить на основании настоящего пункта, не превышает пять процентов размера средств, предусмотренных на осуществление всех закупок заказчика в соответствии с планом-графиком, и составляет не более чем пятьдесят миллионов рублей в год. Указанные ограничения в части установления предельных значений для определения размера средств не распространяются на закупки товаров, работ, услуг, осуществляемые заказчиками для нужд сельских поселений» [Федеральный закон № 44-ФЗ]. Наличие обозначенных в этом пункте ограничений имеет важное значение для предотвращения злоупотреблений путем отказа от конкурсных процедур. Мы уже обращали внимание на то, что формулировка последнего предложения рассматриваемого пункта представляется несовершенной, так как остается неясным, какие из указанных выше в данном пункте ограничений, устанавливающих предельные значения, — сто тысяч, пять процентов или пять миллионов — можно не применять [Барабаш 2013а]. Федеральным законом от 4.06.2014 г. № 140-ФЗ данный пункт был скорректирован, условия закупки у единственного поставщика в рассматриваемом случае были уточнены. Это свидетельствует об обоснованности выводов, полученных нами при исследовании данного нормативного положения на предмет его коррупциогенности. Кроме того, анализ приведенного примера имеет важное значение для формирования системы антикоррупционных требований к тексту правовых документов. Принципиальным представляется вывод о том, что подобные недочеты в тексте отдельных проектов, а также принятых нормативных актов имеют *пограничный* характер, так как не нарушают напрямую языковых норм, но в то же время создают возможность двоякого толкования правового предписания, создают его юридико-лингвистическую неопределенность.

Юридико-лингвистическая неопределенность является, согласно Методике, коррупциогенным фактором и заслуживает отдельного внимания. Официальное определение включает в соответствующее понятие только явления лексического ряда: «...употребление неустоявшихся, двусмысленных терминов и категорий оценочного характера» [Методика проведения...]. Однако, на наш взгляд, данное определение требует уточнения.

В предыдущих работах [Барабаш 2013б; Барабаш 2014] мы рассматривали примеры функционирования таких оценочных категорий, порождающих коррупциогенность в тексте официального документа, как «незамедли-

тельно» (сообщить), «преимущественно» (состоять из), «приемлемый» (уровень) и др. Их семантика действительно вносит в содержание правового предписания, требующего максимальной четкости, неопределенность, так как не позволяет правоприменителю сделать конкретный вывод о сроках, количестве, уровне.

Отметим, что употребление перечисленных выше лексем в различных правовых документах носит далеко не единичный характер, что подтолкнуло исследователей к попытке систематизировать так называемые «маркеры коррупционных факторов» [Шевердяев 2009]. В частности, к подобным маркерам относят слова «не менее», «не более», «иные», «прочие», которые во фрагментах текста, посвященных определению функций или полномочий должностных лиц, создают возможность вариативного толкования. Как указывает П. А. Кабанов, маркирующими коррупциогенность могут быть также словосочетания «в случае необходимости», «не надлежащим образом», «при наличии достаточных оснований» (без пояснения достаточности таких оснований); «согласно установленному порядку (или регламенту)» (при его отсутствии); «кадры высокой квалификации», в «исключительных случаях» (при отсутствии их перечня и раскрытия содержания); «серьезный служебный проступок», «обладает иными полномочиями», «рассматривает отдельные вопросы», «значительные повреждения», «причинение существенного вреда» (без перечисления (содержательного описания) их объективных характеристик) и т. п. [Кабанов 2014].

В то же время прагматическая установка нормативного правового акта предполагает наличие оценки. Так, например, антимонопольное законодательство строится на таких оценочных категориях, как «недобросовестная конкуренция», «недобросовестный поставщик», «необоснованные конкурентные преимущества», «ненадлежащая реклама» и т. п. Это обусловлено тем, что в целях защиты конкуренции, предупреждения и пресечения монополистической деятельности антимонопольный орган должен давать *оценку* деятельности предпринимателей и государственных (муниципальных) органов, исходя из критериев, предусмотренных соответствующим законом.

Примером оправданного употребления оценочных категорий в тексте официальных документов могут также служить глагол «улучшить» и производное от него отглагольное имя существительное «улучшение», которые встречаются как в тексте федеральных законов, так и в преамбулах подзаконных нормативных актов, например в постановлениях. Как правило, употребляется формула «в целях улучшения», например: «...капитальный ремонт многоквартирного дома — проведение и (или) оказание предусмотренных настоящим Федеральным законом работ... В целях улучшения эксплуатационных характеристик

общего имущества в многоквартирном доме» [Федеральный закон № 185-ФЗ].

Употребление оценочных категорий также является закономерным и оправданным в нормативных актах, регулирующих сферу обеспечения безопасности государства, общества, личности и т. д.

Таким образом, отвечая на второй из поставленных нами вопросов, мы должны констатировать, что не всегда употребление лексем с оценочной семантикой создает юридико-лингвистическую неопределенность положений нормативных правовых актов. При этом, безусловно, языковое выражение правовой нормы, содержащей оценочные категории, не должно допускать вариативного толкования ее смысла.

Оценочные категории и неустоявшиеся термины, как было отмечено выше, представлены единицами лексического уровня. Однако причиной возникновения юридико-лингвистической неопределенности может стать как неверное употребление формы слова, так и структура целого предложения. Данный тезис подтверждается примерами. Так, неоднозначное понимание допускает пункт 3 статьи 73 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ, где законодатель устанавливает требования к информации, которую должна содержать заявка на участие в запросе котировок. В редакции от 28.12.2013 г. № 396-ФЗ подпункт 4 пункта 3 статьи 73 требовал указания в заявке «идентификационного номера налогоплательщика учредителей, членов коллегиального исполнительного органа, лица, исполняющего функции единоличного исполнительного органа участника запроса котировок» [Федеральный закон № 44-ФЗ]. Введение данного подпункта вызывало у специалистов закономерный вопрос: является ли отсутствие этих сведений основанием для отклонения заявки в случае, когда у участника нет коллегиального исполнительного органа (например, у индивидуального предпринимателя)? Отметим, что подобная неясность в тексте закона устанавливает для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения.

Федеральным законом от 4.06.2014 г. № 140-ФЗ внесены изменения в Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», в частности, подпункт 4 пункта 3 статьи 73 в настоящее время изложен в следующей редакции: «4) идентификационный номер налогоплательщика (при наличии) учредителей, членов коллегиального исполнительного органа, лица, исполняющего функции единоличного исполнительного органа участника запроса котировок» [Там же]. Однако уточнение в скобках — при наличии — по-прежнему не проясняет требований законодателя. С точки зрения синтаксиса перед нами вставная конструкция. Вставные

конструкции используются для выражения добавочных замечаний, пояснений, уточнений и тому подобного, тесно связаны с содержанием предложения и относятся, как правило, к предшествующей им части высказывания. В соответствии с грамматическим толкованием рассматриваемого фрагмента, уточняющий член в скобках относится к части «идентификационный номер налогоплательщика». В то же время, как известно, идентификационный номер налогоплательщика — цифровой код, упорядочивающий учет налогоплательщиков в Российской Федерации, который в обязательном порядке присваивается как юридическим, так и физическим лицам. Следовательно, с юридической точки зрения не может идти речь о наличии/отсутствии идентификационного номера налогоплательщика указанных лиц. Таким образом, неясность нормативного положения не была снята в результате его редакции, а напротив, усугубилась вследствие неудачного построения высказывания.

Кроме того, такой стилистический недочет исследуемого фрагмента, как нанизывание родительного падежа, способствует возникновению еще одной синтаксической ошибки. Дополнение «участника запроса котировок», якобы являющееся общей зависимой частью для «учредителей», «коллегиального исполнительного органа» и «лица», на самом деле входит в состав причастного оборота и грамматически зависит от других слов — «единоличного исполнительного органа», а следовательно, не может выполнять двойную функцию в предложении. В то же время для достижения полноты высказывания присутствие конкретизирующего зависимого слова от слов «учредитель» и «коллегиальный исполнительный орган» является необходимым. В связи с этим представляется целесообразным переформулировать подпункт 4 пункта 3 статьи 73 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ таким образом, чтобы грамматическое толкование, в основе которого лежит анализ языкового выражения нормативного предписания (т. е. его формы), совпадало с волей законодателя, иными словами, было снято противоречие буквы и духа закона.

Таким образом, на уровне синтаксической организации текста правового документа к неоднозначному пониманию воли законодателя может приводить порядок частей предложения, порядок слов, а также нарушение норм согласования и управления. Более того, как мы доказывали в предыдущих исследованиях [Барабаш 2014], особое место среди языковых явлений, влияющих на однозначность толкования правового документа, занимает его пунктуационное оформление. Ярким примером может послужить расстановка знаков препинания в пункте 8.1 приложения № 2 к «Проекту постановления „Об утверждении порядка отбора управляющих компаний по управлению индустриальными парками Пензенской области“»

от 24.03.2014: «Решение конкурсной комиссии оформляется в виде протокола, подписываемого председателем, а в случае отсутствия последнего — заместителем председателя конкурсной комиссии, секретарем и всеми членами конкурсной комиссии...» [Об утверждении порядка отбора... 2014]. Формально в данном примере нет ошибок в расстановке знаков препинания. Однако построение фразы и ее пунктуационное оформление допускают двойное толкование распределения полномочий членов комиссии на подпись документа вместо отсутствующего председателя. При сохранении имеющейся пунктуации данными полномочиями наделяются заместитель председателя конкурсной комиссии, секретарь и все члены конкурсной комиссии. Таким образом, языковое оформление правового предписания порождает широту дискреционных полномочий. В связи с этим часть текста «а в случае отсутствия последнего — заместителем председателя конкурсной комиссии» необходимо оформить как вставную конструкцию и заключить в скобки. Этот пример иллюстрирует одну из функций русской пунктуации, которая заключается не только в том, чтобы способствовать ясности и последовательности изложения мысли, но также выражать те смысловые оттенки высказывания, которые не могут быть выражены с помощью слов [Барабаш 2014].

Становится очевидным, что юридико-лингвистическую неопределенность в нормативных правовых актах создают не только неустоявшиеся термины и категории оценочного характера, относящиеся к лексическому уровню языка. Имплицитно юридико-лингвистическая неопределенность может быть выражена через элементы других языковых уровней. В связи с этим сам термин «юридико-лингвистическая неопределенность» требует уточнения. На наш взгляд, границы этого понятия должны быть расширены за счет включения в него такой категории, как двусмысленность языковых формул, обусловленная особенностями формально-логического, грамматического и пунктуационного оформления текста правового документа.

Выявленные нами проблемы позволяют наметить, в свою очередь, другие перспективные задачи. В частности, изучения требуют, на наш взгляд, собственно критерии выявления юридико-лингвистической неопределенности на всех уровнях правового текста, а также вопрос о том, каким образом юридико-лингвистическая неопределенность коррелирует с другими коррупционными факторами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барабаш О. В. Введение в юрислингвистику : учеб. пособие. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2013а.
2. Барабаш О. В. К проблеме толкования правового текста: антикоррупционный аспект // Политическая лингвистика. 2013б. № 3. С. 209—215.
3. Барабаш О. В. Юридико-лингвистические предпосылки порождения коррупционности текста пра-

нового документа // Язык. Право. Общество : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (г. Пенза, 9—10 апр. 2014 г.) / под. ред. О. В. Барабаш, Т. В. Дубровской, Г. И. Камакиной. — Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. С. 23—28.

4. *Галяшина Е. И.* Антикрупционная юридико-лингвистическая экспертиза нормативных правовых актов и их проектов // Антикрупционная экспертиза нормативно-правовых актов и их проектов / сост. Е. Р. Россинская. — М. : Проспект, 2010. С. 34—42.

5. *Документация* об открытом аукционе в электронной форме на выполнение работ по капитальному ремонту фасада общежития № 3 войсковой части 3492, фасада казармы № 1 войсковой части 3179, фасада казармы № 1, № 2 войсковой части 3421. URL: http://zakupki.gov.ru/pgz/public/action/orders/info/common_info/show?source=epz-ificationId=8248163 (дата обращения: 21.06.2014).

6. *Кабанов П. А.* Юрико-лингвистическая неопределенность как предмет антикрупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов // *ВВ: Административное право и практика администрирования*. 2014. № 3. URL: http://e-notabene.ru/al/article_12055.html#14 (дата обращения: 30.06.2014).

7. *Методика* проведения антикрупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов : (утв. постановлением Правительства РФ от 26 февр. 2010 г. № 96). URL: http://base.garant.ru/197633/#block_2000 (дата обращения: 10.06.2014).

8. *Об утверждении* порядка отбора управляющих компаний по управлению индустриальными парками Пензенской области : проект постановления от 24.03.2014 г. URL: http://corrupt.pnzreg.ru/anti_corr_expertise (дата обращения: 28.03.2014).

9. *Регламент* Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : приложение к Постановлению Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 22 января 1998 г. № 2134-П ГД. URL: <http://www.consultant.ru/law/reviaw/lawmaking/reglduma/> (дата обращения: 21.06.2014).

10. *Федеральный закон* от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_157037/?frame=11 (дата обращения: 27.06.2014).

11. *Федеральный закон* от 21.07.2007 № 185-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156596/ (дата обращения: 25.06.2014).

12. *Федеральный закон* от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156929/?frame=1 (дата обращения: 20.06.2014).

13. *Шевурдяев С. Н.* Формирование основ правового регулирования антикрупционной экспертизы нормативных актов и вопросы совершенствования официальной методики ее проведения // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 20. С. 5—11.

Статью рекомендует к публикации д-р юрид. наук, д-р филол. наук, проф. Е. И. Галяшина.